

XI 1979

9

2

8

ТУ-19-241-77

0

2

студия ДИАФИЛЬМ

08—3—712

Вл. Муравьев

ЛЕДОВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Художник О. Новозонов

Это случилось давно, почти за двадцать лет до революции, весной 1899 года. В Российской империи тогда было много глухих мест, куда не подходила железная дорога, где годами не видели приезжего человека. Таким был и Орлов — маленький городок, затерявшийся среди бескрайних лесов Вятской губернии.

В Орлове, как полагается, имелось своё начальство: земский начальник, полицейский исправник и отец благочинный. Они да ещё богатые купцы были полные хозяева в городе и уезде. 9

Нищие орловские крестьяне и мастера не боялись
всякого начальства, потому что у начальства с ними распра-
ва была короткая: чуть что – в зубы да в кутузку. А жаловаться
некому.

Мелкие орловские чиновники трепетали перед теми, кто выше чином, и угодливо гнули спины.

Но всё же были в Орлове люди, которые, к великому удивлению и ужасу орловских обывателей, не боялись ни земского начальника, ни полицейского и не кланялись купцу-толстому. Эти люди были ссыльные революционеры.

В те времена в Орлове отбывали ссылку около десятка революционеров. Некоторые жили тут с семьями, жёны были их товарищами в борьбе и теперь делили с ними ссылку. Семейные снимали комнаты у хозяев.

А молодые холостяки поселились все вместе в одном доме и жили коммуной. Это были весёлые и жизнерадостные люди. 8

Самым жизнерадостным, самым весёлым человеком среди них был, пожалуй, Николай Эрнестович Бауман, молодой ветеринарный врач, который до ареста вёл революционную работу в Петербурге.

Начиналась весна. Ярко светило солнце. С крыш капала капель. Суматошно и радостно кричали воробьи. Орловские обыватели готовились к празднику — к пасхе: покупали об-
новы, запасались вином и закуской.

Вечерами ссыльные обычно собирались в коммуне – поговорить, поиграть в шахматы, попеть хором. Однажды Бауман вдруг говорит: „Товарищи, а ведь через неделю праздник!“ – „Праздник, да не наш“, – возразил ему один товарищ. – „Нет, наш, – настаивает Бауман. – Взгляните-ка на календарь“.

— „Пасха-то в нынешнем году по этому царскому календарю когда?“ — „Восемнадцатого апреля.“ — „А если считать не по царскому старому календарю, а по новому стилю, какое выходит число?“

Товарищ подумал, посчитал и говорит: „Выходит первое мая“. — „Правильно! — воскликнул Бауман. — Наш, революционный праздник!“

Бауман предложил выйти в воскресенье на базарную площадь, развернуть красный флаг и произнести речь. Было это, конечно, опасно, но революционеры хотели показать, что ссылка не сломила их, и все горячо поддержали Баумана. [14]

Теперь у ссыльных только и было разговору, что о Первом мае. Бауман попросил товарищей, чтобы нести знамя доверили ему.

Но совещания ссыльных привлекли внимание полиции. Исправник заподозрил, что они что-то затевают, и приказал своим подчинённым следить за „политиками“, не спускать глаз ни днём, ни ночью.

Ссылные заметили усилившуюся слежку, стали осторожнее, но подготовку к Первому мая не прекратили. Нужно было сшить красное знамя. Жена одного товарища принялась за дело, раскроила полотнище, села шить. Другие женщины ей помогали.

Каждый день исправник интересовался: „Что делают ссыльные?“ – „Н пасхе готовятся, – отвечал городской. – Их бабы новые платья себе шьют. А подозрительного ничего не замечено“. – „Продолжать наблюдение“, – приказывал исправник.

Раньше, бывало, под окнами коммуны прогуливался один полицейский, а теперь дежурили по двое и по трое: один ходит на виду, а остальные прячутся где-нибудь поблизости. 19

— Не выйдет у нас ничего с демонстрацией, — сказал пожилой ссыльный. — Полицейские за каждым из нас ходят следом. Они не дадут даже знамя развернуть, а уж о речах-то и мечтать нечего... Нет, не выйдет ничего. А жаль...

Но Бауман никак не хотел отступить от задуманного: „Товарищи, всё равно мы должны отпраздновать Первое мая! У меня есть план...“

Накануне праздничного дня полицейское наблюдение усилилось. Ночью сам исправник пришёл проверить посты. Всё было спокойно. Только в окнах коммуны горел свет. Но это не возбудило подозрений: „политики“ всегда читали ночи напролёт, не жалея неросина.

Под утро один полицейский осторожно заглянул в окно и увидел, что все ссыльные спят на кроватях, накрывшись с головой одеялами.

Но если бы он пригляделся повнимательнее, то, наверное, очень бы удивился: у одного спящего вместо головы лежал на подушке чугунок, у другого — лукошко. В кроватях были не люди, а чучела. Но полицейский этого не заметил.

Воскресный день выдался на редкость погожий. Солнце гре-
ло прямо по-летнему. Все орловские жители вышли на ули-
цу. На базарной площади кипела торговля.

Под разудалую гармонику крутилась карусель. Петрушка за-
зывал в балаган.

Среди шумной пёстрой толпы важно двигался главный страж порядка—исправник. Он подозвал городского, дежурившего ночью под окнами коммуны, и спросил: „Ну что там они?“—„У них, ваше благородие, всю ночь свет горел, книжки, видать, читали, а теперь дрыхнут“.—„Ладно, можешь идти отдыхать“.

Исправник двинулся дальше. Выпил пива. Постоял, посмотрел на учёного медведя. На душе у него было спокойно: в городе тихо, политики-смутьяны никакой наверзы не выкинули. 28

Но тут он увидел: пожилые и семейные „политики“ шли группой между рядами, смеясь и разговаривая. — „Уж очень что-то они весёлые, — с беспокойством подумал исправник. — И холостой молодёжи почему-то с ними нет“.

Много народу толпилось у прилавков, много глазело на балаганное представление, немало было и любителей покататься на карусели. Но больше всего народу было на набережной. Туда же, на берег реки Вятки, направлялись ссыльные. Исправник — за ними.

По широко разлившейся реке шёл лёд. Большие и маленькие льдины, задевая друг о друга, медленно проплывали мимо. Между ними бурлила мутная полая вода. Это было величественное и захватывающее зрелище.

Вдруг люди на набережной заволновались. Вдали показалась большая льдина, а на ней люди — четыре человека. [92]

— Да ведь это наши политики! — закричал какой-то мастеровой. На льдине, действительно, стояли ссыльные революционеры — Бауман и его товарищи.

Льдина приближалась. Когда она подплыла к набережной, Бауман выхватил из-под пальто красное полотнище и прикрепил его к палке.

И вот над бурлящей весенней рекой зареяло красное знамя –
знамя борьбы, знамя революции.

А Бауман и его товарищи громко запели:
Смело, товарищи, в ногу,   В царство свободы дорогу
Духом окрепнем в борьбе,   Грудью проложим себе!

Исправник засвистел в свисток, закричал: „Прекратить!
Взять их всех! В тюрьму!“

Городовые бросились к лодочнику: „Вези!“. А он отвечает: „Вы что, с ума спятили? Лодку враз разобьёт. Хоть бейте, хоть в тюрьму сажайте, не повезу. Мне жизнь дорога“.

Полицейские поплыли сами, да не тут-то было: первой же льдиной опрокинуло их лодку, и все они выкупались в ледяной воде.

Исправник ругается, начальство и купцы готовы лопнуть от злости, а народ радуется: „Ну и смельчани же, эти политики! Как они только решились на такое? И начальства не испугались, и потонуть не боятся“.

— Потому что они стоят за правду, — сказал один мастеровой. —
А правда и в воде не тонет, и в огне не горит.

А когда льдина миновала последние городские домишки, Бауман и его товарищи, ловко перепрыгивая с льдины на льдину, выбрались на берег.

Орловский исправник не стал жаловаться вышестоящему начальству: ему было стыдно, что ссыльные провели его. Да и за то, что допустил демонстрацию с красным флагом, тоже по головке не погладят... Но и долгое время спустя, встречая Баумана на улице, он отворачивался в сторону, делал вид, что не замечает его.

А орловцам надолго запомнилась эта первомайская демонстрация. После неё у ссыльных революционеров появилось в Орлове много новых друзей — местных крестьян и мастеровых. 44

A painting of a snowy street scene. In the background, a figure in a dark coat and hat stands on a path. The scene is rendered in a soft, painterly style with muted colors.

КОНЕЦ

Редактор Т. Семибратова

Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1971 г.

Москва, 101000, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30.

Д-401-71